

Н. А. Егорова, А. Г. Егоров

АНТИКОРРУПЦИОННЫЕ ЗАКОНОПРОЕКТЫ 2017 г.: ДИСКУССИОННЫЕ ВОПРОСЫ

В статье содержится критический анализ законопроектов, направленных на изменение дефиниции понятия «коррупция», расширение предмета коррупционных правонарушений, а также круга субъектов коммерческого подкупа. Констатируется, что введение широкой трактовки коррупции в российское законодательство способно вызвать дискуссии относительно содержания понятий «услуги неимущественного характера», «неимущественные права», «иные неправомерные преимущества». Обращается внимание на вопросы, которые могут возникнуть при толковании понятия «иные неправомерные преимущества». Отмечается, что предлагаемое изменение правового понятия «коррупция» способно усугубить имеющиеся негативные аспекты предупреждения коррупции. Указывается на непоследовательность проектных изменений законодательного описания предмета некоторых коррупционных преступлений, спорность предложений о признании субъектами пассивного коммерческого подкупа лица, уполномоченного коммерческой или иной организацией действовать от ее имени, а также арбитра (третейского судьи).

Сделан вывод, что предлагаемые новеллы не имеют серьезных социальных оснований, лишены системного характера и не учитывают возможных противоречий действующим нормам российского права.

Ключевые слова: коррупция, услуги неимущественного характера, неимущественные права, иные неправомерные преимущества, взяточничество, коммерческий подкуп, арбитр (третейский судья).

N. A. Egorova, A. G. Egorov

ANTI-CORRUPTION DRAFT LAWS 2017: CONTROVERISAL ISSUES

The article contains a critical analysis of bills aimed at changing the definition of «corruption», the expansion of corruption and commercial bribery offense scope. It is stated that the introduction of a wide interpretation of corruption in Russian law is sure to provoke debates on the scope of such terms as «services of non-monetary nature», «non-property rights», «other undue preferences». Attention is drawn to issues that may arise in the interpretation of the concept of «other undue preferences». It is specifically indicated that the proposed change of the legal concept of «corruption» can aggravate the existing negative aspects of corruption prevention action. The inconsistency of the proposed changes in the legal description of the subject of certain corruption crimes is highlighted, as well as the controversy concerning the proposals to recognize a person authorized to act on his/her behalf by an enterprise or other legal entity (or an arbiter) as a subject of passive commercial bribery.

It is concluded that the proposed legislative innovations are not sufficiently grounded in social terms. They lack coherency with the current legislations system and ignore possible contradictions with active Russian laws.

Key words: corruption, non-property services, non-monetary rights, other undue preferences, bribery, commercial bribery, arbiter.

Для современной антикоррупционной политики России представляют интерес законопроекты Правительства Российской Федерации «О внесении изменений в статью 19.28 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях и статью 1 Федерального закона „О противодействии коррупции“ (в части усиления ответственности за коррупцию)» [1] и «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации (в части усиления ответственности за коррупцию)» [2]. Нововведения, предлагаемые в первом из названных документов (далее — проект 1), затрагивают содержание межотраслевого понятия «коррупция» (в части понимания ее предмета), а также признаков состава административного правонарушения,

предусмотренного ст. 19.28 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях (далее — КоАП РФ) («Незаконное вознаграждение от имени юридического лица»). Во втором проекте (далее — проект 2) дана иная, более широкая, чем в настоящее время, трактовка предмета взяточничества и коммерческого подкупа, и расширен круг субъектов пассивного коммерческого подкупа.

Понятие «коррупция» в подп. «а» п. 1 ст. 1 Федерального закона «О противодействии коррупции» от 25 декабря 2008 г. № 273-ФЗ (в ред. от 03.04.2017) (далее — ФЗ от 25.12.2008 № 273) с учетом содержащихся в проекте формулировок предположительно будет выглядеть так: «а) злоупотребление служебным положением, дача

взятки, получение взятки, злоупотребление полномочиями, коммерческий подкуп либо иное незаконное использование физическим лицом своего должностного положения вопреки законным интересам общества и государства в целях получения выгоды в виде денег, ценностей, иного имущества или услуг имущественного либо неимущественного характера, предоставление имущественных либо неимущественных прав, иных неправомерных преимуществ (курсив авт. — Н.Е., А.Е.) для себя или третьих лиц либо незаконное предоставление такой выгоды указанному лицу другими физическими лицами; б) совершение деяний, указанных в подпункте «а» настоящего пункта, от имени или в интересах юридического лица».

Как указано в пояснительной записке к проекту 1, это необходимо для выполнения решений заседания президиума Совета при Президенте Российской Федерации по противодействию коррупции от 14 февраля 2017 г. № 57 и рекомендаций Группы государств против коррупции (ГРЕКО). Изменения направлены на достижение соответствия российского антикоррупционного законодательства международным договорам, ратифицированным Российской Федерацией.

Подобный подход к предмету коррупции не нов, у него были и есть сторонники в научном сообществе [3, с. 135,136; 4, с. 10; 5, с. 24; 6, с. 27; 7, с. 512, 513; 8, с. 10; 9, с. 4; 10, с. 58; 11, с. 8]. Их главные аргументы: чрезмерная узость понимания коррупции как корыстных, связанных с извлечением только имущественных выгод злоупотреблений по службе, а также расхождения между положениями антикоррупционных международных договоров и национальным законодательством России.

Тенденция к широкому пониманию предмета коррупции наметилась и в современном российском законодательстве. Так, в ч. 2 ст. 10 ФЗ от 25.12.2008 № 273 («Конфликт интересов») под личной заинтересованностью понимается «возможность получения доходов в виде денег, иного имущества, в том числе имущественных прав, услуг имущественного характера, результатов выполненных работ или *каких-либо выгод (преимуществ)*» (курсив авт. — Н.Е., А.Е.), что вступает в противоречие с базовым понятием коррупции, содержащимся в ст. 1 этого же закона. Возлагая на отдельные категории субъектов обязанность принимать меры по предотвращению и урегулированию конфликта интересов, не связанного с корыстной заинтересованностью, законодатель выходит за пределы предмета регулирования ФЗ от 25.12.2008 № 273, поскольку «какие-либо выгоды (преимущества)» не указаны в действующей легальной дефиниции понятия «коррупция».

Введение рассматриваемой новеллы в

российское законодательство способно вызвать дискуссии относительно содержания понятий «услуги неимущественного характера», «неимущественные права», «иные неправомерные преимущества».

В абзаце 2 п. 9 постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 9 июля 2013 г. № 24 (в ред. от 03.12.2013) «О судебной практике по делам о взяточничестве и об иных коррупционных преступлениях» (далее — ППВС РФ от 09.07.2013 № 24) под услугами имущественного характера подразумеваются любые имущественные выгоды, к числу которых отнесены «предоставление кредита с заниженной процентной ставкой за пользование им, бесплатные либо по заниженной стоимости предоставление туристических путевок, ремонт квартиры, строительство дачи, передача имущества, в частности автотранспорта, для его временного использования, прощение долга или исполнение обязательств перед другими лицами». Объединяет названные действия то, что они в конкретной ситуации подлежат оплате, но оказываются безвозмездно или при частичном возмещении их стоимости.

Таким образом, услуги неимущественного характера — это неимущественные выгоды, в том числе услуги, которые не подлежат оплате в рамках гражданских или иных правоотношений (вообще или при данных обстоятельствах).

Под имущественными правами Пленум Верховного Суда Российской Федерации понимает право на имущество и иные права, имеющие денежное выражение (абз. 3 п. 9 ППВС РФ от 09.07.2013 № 24). Следовательно, неимущественные права — права, не имеющие денежного выражения.

Услуги неимущественного характера и неимущественные права, в отличие от имущественных выгод, не должны получать денежную оценку при расследовании и судебном рассмотрении уголовных дел о коррупционных преступлениях.

Различие между услугами имущественного и неимущественного характера, а также имущественными и неимущественными правами заключается не в содержании самой услуги (права), а в наличии либо отсутствии у таких услуг (прав) денежного выражения в легальном гражданском обороте и юридической обязанности (либо ее отсутствии) у получателя таких услуг (прав) при конкретных обстоятельствах передать денежный эквивалент услуги (права). Получая услуги имущественного характера или имущественные права, лицо извлекает прямую имущественную выгоду или избавляет себя от денежных затрат, или и то, и другое (например, при безвозмездном получении имущества во временное пользование). При получении услуг

неимущественного характера или неимущественных прав прямая либо косвенная имущественная выгода отсутствует. Так, бесплатное, в обход действующих правил издание книги коммерческим издательством есть услуга имущественного характера. В то же время услугой неимущественного характера является внеочередное опубликование статьи в научном журнале, в котором запрещено взимание платы за публикации.

Подчеркнем, что исключительное право на результаты интеллектуальной деятельности и приравненные к ним средства индивидуализации, т.е. интеллектуальную собственность, Пленум Верховного Суда Российской Федерации относит к имущественным правам (абз. 3 п. 9 ППВС РФ от 09.07.2013 № 24), несмотря на неимущественный характер самих указанных объектов гражданских прав, поэтому вопреки рекомендациям Организации экономического сотрудничества и развития (ОЭСР) [7, с. 512] с позиций российского законодательства и судебной практики такие выгоды не могут считаться неимущественными правами или «иными неправомерными преимуществами».

Запрет для лиц, замещающих государственные должности Российской Федерации, государственные должности субъектов Российской Федерации, муниципальные должности, получать в связи с выполнением служебных (должностных) обязанностей услуги содержится в п. 7 ч. 3 ст. 12.1 ФЗ от 25.12.2008 № 273. Вид услуг при этом не конкретизируется, но с учетом определения понятия «коррупция» в ст. 1 данного закона, а также упоминания услуг в п. 7 ч. 3 ст. 12.1 ФЗ от 25.12.2008 № 273 среди «вознаграждений», можно прийти к выводу об их имущественном характере.

Примерами неимущественных прав в ФЗ от 25.12.2008 № 273 являются «почетные и специальные звания, награды и иные знаки отличия (за исключением научных и спортивных) иностранных государств, международных организаций, политических партий, иных общественных объединений и других организаций» (п. 8 ч. 3 ст. 12.1). Буквальное толкование проектной ст. 1 ФЗ от 25.12.2008 № 273 дает основания полагать, что понятием «неимущественные права» могут быть охвачены любые знаки отличия.

Наибольшие сложности вызывает толкование понятия «иные неправомерные преимущества». В пояснительной записке к проекту 1 не приводятся примеры таких преимуществ. В ФЗ от 25.12.2008 № 273 термин «преимущество» используется лишь однажды (в ч. 2 ст. 10). В материалах средств массовой информации, посвященных анализируемым проектам, к таким преимуществам относят «позитивные отзывы в прессе, повышение по службе, оказание сексуальных услуг» [12]. При

строгом научном подходе к проблеме возникают как минимум четыре вопроса: 1) что имеется в виду под «иным преимуществом», чем оно отличается от других разновидностей выгоды; 2) какое преимущество следует считать неправомерным; 3) будут ли охвачены данным понятием выгоды бесспорно имущественные, но не имеющие стоимости на легальном рынке товаров и услуг; 4) как отличить коррупционные преступления, связанные с получением неимущественных выгод, от других преступлений против интересов службы.

«Преимущество» не упоминается в гражданском законодательстве среди объектов гражданских прав (ст. 128 Гражданского кодекса Российской Федерации), что дает основания полагать, что оно таковым объектом не является. Так же, как и деньги, ценности, иное имущество и пр., «иные неправомерные преимущества» рассматриваются как вариант выгоды, т.е. «выгода» и «преимущество» считаются близкими по значению понятиями. Действительно, «выгода» в русском языке понимается как «польза, преимущество» [13, с. 107]. «Преимущество» же определяется как «выгода, превосходство (в сравнении с кем-чем-нибудь другим)»; «исключительное право на что-нибудь, привилегия» [13, с. 572].

Полагаем, что смысловое различие между этими двумя понятиями все-таки можно уловить. Выгода, как и преимущество, всегда означает пользу для субъекта, но в отличие от преимущества независимо от появления у данного субъекта связанного с этой выгодой привилегированного положения по сравнению с другими лицами. «Преимущество» — не просто нечто полезное для субъекта, но и ставящее его в более благоприятные условия по сравнению с другими такими же субъектами и (или) в рамках таких же правовых отношений. Это оценка, результат сравнения желаемых или действительных благ, имеющихся у лица, с аналогичными реальными или потенциальными благами у других лиц. В связи с этим к преимуществам можно отнести возмездное, но в нарушение установленного порядка предоставление имущества, имущественных прав, оказание услуг имущественного характера (внеочередное или при отсутствии медицинских показаний предоставление путевки в санаторий, продажу земельного участка в более благоприятном месте, оказание предпочтения при продаже раритетных вещей и т.п.), которые традиционно не признавались предметом взятки [14, с. 196].

Исходя из сказанного выше наличие у субъекта коррупционных отношений «иногo преимущества» или отсутствие такового — вопрос факта.

Вторая проблема — оценка правомерности преимущества. Самый очевидный (и, наверное,

обязательный) показатель неправомерного характера преимущества — его обусловленность исключительно служебным положением специального субъекта коррупционных отношений.

Однозначного ответа на третий вопрос тоже пока нет, хотя логика проектных изменений позволяет ответить на него положительно. При подготовке ППВС РФ от 09.07.2013 № 24 предпринималась попытка включить в проект документа разъяснения о признании предметом взятки (коммерческого подкупа) неправомерных по своей сути услуг имущественного характера и об установлении их стоимости «с учетом цен, сформированных на рынке незаконных услуг». В итоговый текст указанного постановления эти положения не вошли, т. е. проблема признания таких услуг обычной взяткой (предметом коммерческого подкупа) или новой формой взятки (предмета коммерческого подкупа) окончательно не решена.

Не менее сложен и четвертый вопрос. Часть 5 ст. 204 Уголовного кодекса Российской Федерации (далее — УК РФ) в предлагаемой редакции (проект 2) будет конкурировать со ст. 201 УК РФ, в диспозиции ч. 1 которой прямо предусмотрена цель «извлечения выгод и преимуществ для себя или других лиц»; ст. 290 УК РФ — со ст. 285, где наряду с корыстной названа иная личная заинтересованность, и ст. 286 УК РФ, где мотив и цель не указаны.

Нельзя не обратить внимания и на то, что в проекте 1 расширение пределов действия ст. 19.28 КоАП РФ не сопровождается изменением ее санкций, зависящих от имущественной природы переданной, предложенной или обещанной выгоды.

Анализируемое положение проекта 1 о предмете коррупции заставляет задуматься о перспективах мер предупреждения коррупции, предусмотренных ФЗ от 25.12.2008 № 273. Появятся ли среди них обязанность определенных категорий лиц представлять сведения о получении услуг неимущественного характера, неимущественных прав и «иных преимуществ»? Если да, то о каких именно выгодах такого рода, полученных не только самим служащим, но и его супругом (супругой) и несовершеннолетними детьми, придется отчитываться: опубликованных статьях и монографиях, положительных рецензиях, отзывах, характеристиках, государственных и ведомственных наградах, почетных грамотах, дипломах, сертификатах о повышении квалификации и др., фактах получения бесплатной медицинской и юридической помощи, образовательных услуг, высоких или даже просто положительных оценках на экзаменах и т. п.? В реальной жизни ежегодные декларационные кампании бывают далеки от положений ФЗ от

25.12.2008 № 273 и законодательства о государственной и муниципальной службе. Закон применяется формально: лиц, представивших декларации с незначительными неточностями, увольняют со службы [15]. Иногда на граждан в нарушение закона возлагается юридическая обязанность представлять сведения о доходах, имуществе и обязательствах имущественного характера, отказавшиеся представлять такие сведения привлекаются к дисциплинарной ответственности [16, с. 27]. Это ведет к снижению авторитета антикоррупционного законодательства, утрате веры в его эффективность, бюрократизации профилактической работы, выхолащиванию ее сути, а также к усилению виктимизации определенных социальных групп (материальное положение служащих и работников, их частная жизнь интересуют не только кадровые подразделения органов и учреждений, но и представителей криминальной среды). Расширение рамок правового понятия «коррупция» на уровне федерального закона способно усугубить эти негативные аспекты предупреждения коррупции.

В целом же в предложенном понимании коррупции акцент перенесен с обогащения на дискриминацию, но в более широком смысле, чем в ст. 136 УК РФ, так как коррупция означает нарушение равенства прав и свобод не только физических, но и юридических лиц. Как повлияют такие изменения законодательства на правоприменительную практику? На наш взгляд, они чреватые переориентацией деятельности правоохранительных органов на противодействие далеко не самым опасным формам коррупции.

В проекте 2 предусмотрено изменение законодательного описания предмета некоторых коррупционных преступлений (ст. 184, 204 и 290 УК РФ). Предложенные поправки, с одной стороны, согласуются с новым определением понятия «коррупция», с другой — отличаются непоследовательностью. Признание предметом коррупции услуг неимущественного характера, неимущественных прав и «иных неправомерных преимуществ», по мысли разработчиков проекта 2, не должно быть отражено в ст. 141.1, 204.1, 291.1, 304 УК РФ. Это означает, что на перечисленные составы по-прежнему распространяется понятие «коррупция» с узким традиционным содержанием. Посредничество, предусмотренное ч. 5 ст. 184, 204.1 и 291.1 УК РФ, видимо, вообще невозможно, если предмет указанных видов подкупа не имеет свойства имущественной выгоды, поскольку для названных преступлений размер взятки (предмета подкупа) имеет криминообразующее значение.

Признание предметом взятки (коммерческого подкупа) неимущественных выгод означает невозможность квалификации их получения

(передачи) и по ст. 204.2 и 291.2 УК РФ, поскольку подобные взяточничество и коммерческий подкуп не могут быть мелкими.

В проекте 2 предложено дополнить состав пассивного коммерческого подкупа такими субъектами, как лицо, уполномоченное коммерческой или иной организацией действовать от ее имени, а также арбитр (третейский судья), в том числе иностранный арбитр.

Если субъект (физическое лицо) уполномочен выполнять от имени юридического лица организационно-распорядительные или административно-хозяйственные функции, то нет препятствий для признания такого субъекта выполняющим названные функции по специальному полномочию (см. примечание 1 к ст. 201 УК РФ). Вероятно, особое указание на данный вид субъектов преступлений против интересов службы в коммерческих и иных организациях обусловлено необходимостью привлечения к уголовной ответственности за коммерческий подкуп лиц, выполняющих функции представителей при заключении сделок от имени организаций (ст. 182 ГК РФ). В пояснительной записке к проекту 2 никакого обоснования данного решения не приводится. Отсутствует здесь и модель примечания 1 к ст. 201 УК РФ, где раскрывалось бы содержание термина «лицо, уполномоченное коммерческой или иной организацией действовать от ее имени».

В процессе оценки идеи проекта об арбитрах как субъектах коммерческого подкупа необходимо отметить следующие спорные моменты. Прежде всего сомнительно отнесение общественных отношений, складывающихся в сфере третейского судопроизводства, к интересам службы в коммерческих и иных организациях (гл. 23 УК РФ). Согласно п. 1 ст. 2 Федерального закона от 29 декабря 2015 г. № 382-ФЗ «Об арбитраже (третейском разбирательстве) в Российской Федерации» (в дальнейшем — ФЗ об арбитраже) арбитр (третейский судья) — «физическое лицо, избранное сторонами или избранное (назначенное) в согласованном сторонами или установленном федеральным законом порядке для разрешения спора третейским судом». Рассмотрение спора третейским судом завершается вынесением обязательного для сторон арбитражного решения. Из статьи 41 ФЗ об арбитраже следует, что при отсутствии добровольного исполнения такого решения одной из сторон оно по письменному заявлению другой стороны приводится в исполнение принудительно путем выдачи компетентным судом исполнительного листа. Это означает, что

арбитражные решения третейских судов имеют такую же юридическую силу, как решения судов — органов судебной власти, что приближает правовое положение арбитров к статусу должностных лиц.

Кроме того, неясно, почему специальными субъектами коммерческого подкупа наряду с управленцами коммерческих и иных организаций и их представителями признаются только арбитры. По-прежнему к таким субъектам не относятся частные нотариусы и частные аудиторы, которые по действующему УК РФ могут нести ответственность за злоупотребление полномочиями (ст. 202 УК РФ), но не за получение незаконного вознаграждения.

Гипотетическое реформирование ст. 204 УК РФ ставит вопрос и о субъектах злоупотребления полномочиями (ст. 201 УК РФ), о них в проекте 2 ничего не сказано, т. е. лица, уполномоченные действовать от имени коммерческих или иных организаций, а равно арбитры (включая иностранных), не смогут привлекаться к уголовной ответственности за злоупотребление полномочиями при том, что их подкуп будет криминализован. В проекте новой редакции ч. 1 и ч. 5 ст. 204 УК РФ прямо указано, что предмет подкупа передается (получается) за вынесение арбитром (третейским судьей), в том числе иностранным арбитром, арбитражного решения или постановления в интересах дающего или иных лиц. Однако само вынесение арбитражного решения или постановления с умышленным нарушением ст. 31 ФЗ об арбитраже, видимо, не будет уголовно наказуемым, ведь ст. 305 УК РФ на третейских судей не распространяется.

В итоге можно утверждать, что причины предлагаемых изменений и дополнений ФЗ от 25.12.2008 № 273, а также административного и уголовного законодательства сугубо формально-юридические. Убедительные аргументы, указывающие на социальные основания рассмотренных моделей правовых норм, авторами не приводятся. Проектные изменения и дополнения лишены системного характера и не учитывают возможных противоречий действующим нормам российского права.

* Доступ ко всем упомянутым в статье нормативным правовым актам, а также постановлению Пленума Верховного Суда Российской Федерации осуществлялся из справочной правовой системы «Консультант-Плюс».

1. Федеральный портал проектов нормативных правовых актов. URL: <http://regulation.gov.ru> (дата обращения: 12.08.2017).

2. Федеральный портал проектов нормативных правовых актов. URL: <http://regulation.gov.ru> (дата обращения: 12.08.2017).

3. Карпович О. Г. Коррупция в современной России. М.: Юристъ, 2007. 242 с.

4. Максимов С. В. Коррупция. Закон. Ответственность. М.: ЗАО «ЮрИнфор», 2008. 255 с.

5. Шишкарев С. Н. Противодействие коррупции: теория и практика: моногр. М.: КДУ, 2009. 168 с.

6. Артемьев А. Б. Антропология коррупции: моногр. / под ред. С. А. Комарова. СПб.: Изд-во юрид. ин-та, 2011. 271 с.

7. Федоров А. В. Антикоррупционные стандарты ОЭСР и их реализация в российском уголовном законодательстве // Российский ежегодник уголовного права. 2013. № 7. С. 502—521.

8. Коррупция в современной России: проблемы теории и практики: моногр. / под общ. ред. Т. Л. Козлова. М.: Юрлитинформ, 2014. 296 с.

9. Коррупция: состояние противодействия и направления оптимизации борьбы / под ред. А. И. Долговой. М.: Российская криминологическая ассоциация, 2015. 361 с.

10. Качалов В. В. Некоторые проблемы предмета получения взятки // Вестник Волгоградской академии МВД России. 2016. № 1. С. 54—59.

11. Воробьев А. В. Уголовно-правовые меры борьбы с преступлениями коррупционной направленности против интересов службы в органах местного самоуправления: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Калининград: БФУ им. И. Канта, 2017. 25 с.

12. Корня А. Неизмеримые на рынке услуги для коррупционера признают взяткой // Ведомости. 2017. 24 марта. № 4287. URL: <https://www.vedomosti.ru> (дата обращения: 12.08.2017).

13. Ожегов С. И., Шведова Н. Ю. Толковый словарь русского языка. М.: АЗЪ, 1995. 928 с.

14. Волженкин Б. В. Служебные преступления. М.: Юристъ, 2000. 368 с.

15. Размолодин М. Л. Побочный эффект антикоррупционного законодательства // Научно-исследовательский центр проблем национальной безопасности. URL: <http://nic-pnb.ru> (дата обращения: 12.08.2017).

16. Обзор практики по рассмотрению в 2012—2013 гг. дел по спорам, связанным с привлечением государственных и муниципальных

1. Federal portal of draft normative legal acts. URL: <http://regulation.gov.ru> (reference date: August 12, 2017).

2. Federal portal of draft normative legal acts. URL: <http://regulation.gov.ru> (reference date: August 12, 2017).

3. Karpovich O. G. Corruption in modern Russia. M.: Lawyer, 2007. 242 p.

4. Maksimov S. V. Corruption. Law. A responsibility. M.: ZAO Yurlinfor, 2008. 255 p.

5. Shishkarev S. N. Counteracting corruption: theory and practice: monogr. M.: KDU, 2009. 168 p.

6. Artemiev A. B. Anthropology of corruption: monogr. / Ed. S. A. Komarova. SPb.: Publishing house of the lawyer institute, 2011. 271 p.

7. Fedorov A. V. Anti-corruption standards of the OECD and their implementation in the Russian criminal law // Russian Yearbook of Criminal Law. 2013. No. 7. P. 502—521.

8. Corruption in modern Russia: problems of theory and practice: monogr. / under total. ed. T. L. Kozlov. Moscow: Yurlitinfor, 2014. 296 p.

9. Corruption: the state of opposition and the direction of optimizing the struggle / ed. A. I. Dolgovoy. Moscow: Russian Criminological Association, 2015. 361 p.

10. Kachalov V. V. Some problems of the subject of receiving a bribe // Bulletin of the Volgograd Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2016. № 1. P. 54—59.

11. Vorobiev A. V. Criminal-legal measures to combat corruption-related crimes against the interests of service in local government: Abstract of thesis candidate of juridical sciences. Kaliningrad: BFU them. I. Kanta, 2017. 25 p.

12. Root A. Non-measurable services on the market for a corrupt official are considered a bribe // Vedomosti. 2017. 24 March. № 4287. URL: <https://www.vedomosti.ru> (reference date: August 12.08. 2017).

13. Ozhegov S. I., Shvedova N. Yu. The explanatory dictionary of the Russian language. Moscow: AZ, 1995. 928 p.

14. Volzhenkin B. V. Service crimes. M.: Jurist, 2000. 368 p.

15. Razmolodin M. L. Side Effect of Anti-Corruption Legislation // Scientific Research Center for National Security Problems. URL: <http://nic-pnb.ru> (reference date: August 12, 2017).

16. Review of the practice of considering disputes involving the involvement of state and municipal employees in disciplinary liability for corruption offenses (approved by the Presidium of the Supreme Court of the Russian Federation on July 30, 2014) in 2012—2013 // Bulletin of the Supreme Court of the Russian Federation . 2014. No. 12. P. 22—30.

служащих к дисциплинарной ответственности за совершение коррупционных проступков (утв. Президиумом Верховного Суда Российской Федерации 30 июля 2014 г.) // Бюллетень Верховного Суда Российской Федерации. 2014. № 12. С. 22—30.

© Egorova N. A., Egorov A. G., 2017

© Егорова Н. А., Егоров А. Г., 2017